

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1944—1948 ГОДАХ

Г. П. Мурашко

Народно-демократические революции, развернувшиеся на заключительном этапе второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, обогатили практику мирового революционного движения, расширив арсенал методов борьбы пролетариата за вытеснение буржуазии из сферы производства, за «самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности»¹. Они показали, что в новой исторической обстановке, сложившейся к середине 40-х годов, когда капитализм вступил во второй этап общего кризиса, по сравнению с предшествующим периодом существенно изменились место и роль национализации основных средств производства в развитии революционного процесса. В Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии и других странах в 1944—1948 гг. за ликвидацию капиталистической собственности боролись более широкие силы, чем в период революционного подъема 1918—1920 годов. По мере развития революции, выраставшей из национально-освободительной борьбы народов против фашизма, рабочий класс во главе с коммунистическими и рабочими партиями, сплотив вокруг себя большинство нации, путем мероприятий антифашистского, демократического, антимонополистического характера вырвал ключевые экономические позиции из рук господствующих классов и заложил прочный фундамент продвижения своих стран к социализму.

Этот процесс, приведший к ликвидации капиталистической частной собственности на средства производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вот уже около 20 лет находится в поле зрения исследователей, стремящихся выявить как основные закономерности развития социалистической революции, так и те ее специфические черты, которые были порождены вторым этапом общего кризиса капитализма. К настоящему времени ученые европейских социалистических стран создали ряд крупных работ, где рассматриваются основные проблемы данной темы. В частности, в достаточной мере подробно в чехословацкой и польской историографии изучены вопросы, связанные с изменениями в социально-экономической структуре обеих стран в период оккупации². Венгерские, польские, румынские историки большое внимание уде-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 446.

² См., например, V. Král. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v Českých zemích 1938—1945. D. I—III. Praha. 1957—1959; J. Faltus. V. Průcha. Přehled hospodářského vývoje na Slovensku v letech 1918—1945. Bratislava. 1967; Cz. Madajczyk. Polityka III Rzeczy w okupowanej Polsce. Warszawa. 1970; Cz. Łuczak. «Kraj Warty». 1939—1945. Poznań. 1972.

ляют разработке коммунистическими и рабочими партиями программ послевоенного устройства и борьбе за их реализацию³. Причем изучение этих вопросов ведется в постоянном сопоставлении с программами и деятельностью других политических группировок, претендовавших на роль лидеров в каждой из стран. Такой подход позволил воссоздать широкую картину борьбы различных концепций послевоенного устройства, раскрыть стоящие за ними силы, проследить их эволюцию по мере нарастания наступательной силы рабочего класса.

Ход национализации, формы и методы овладения основными средствами производства рабочим классом и его союзниками заняли ведущее место в работах болгарских историков, посвященных проблемам революционных преобразований в 1944—1948 годах⁴. Эти вопросы получили достаточно полное отражение также в трудах румынских, венгерских и польских исследователей⁵. Несколько меньшее место проблемы национализации занимают в работах югославских историков и экономистов, которые до последнего времени главное внимание уделяли развитию национально-освободительной борьбы и лишь в ходе ее освещения рассматривали экономическую политику народной власти на освобожденных территориях в годы войны⁶.

Советские историки и экономисты также изучали эти проблемы. Они не только показали конкретный ход национализации в отдельных странах⁷, но и сделали попытки дать сравнительный анализ этого процесса, выявить его общие черты с осуществлением национализации в Советской России⁸. Опубликованные за последние годы документы 40-х годов и продолжающаяся разработка ряда вопросов исследуемой темы в историографии социалистических стран позволяют в настоящее время сделать дальнейшие шаги в сравнительно-историческом изучении этого важного процесса.

³ J. W. Gołębowski. Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa. 1961; V. Liveanu. Particularités de la stratégie politique du parti communiste Roumain entre 1944—1948. Revendications immédiates et objectif final. «Études d'histoire contemporaine de la Roumanie». Bucarest. 1972; A. Ságvári. Les partis et leurs programmes en Hongrie au lendemain de la libération 1944—1945. «Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae». Vol. XIII, 1967, № 1—2; Б. Сабо. Программа действий Венгерской коммунистической партии осенью 1944 г. «Двадцать пять лет свободной Венгрии». «Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest. 1971; П. Никита. Политиката на съюза на Румынската Комунистическата партия през 1944—1948. «Известия на Института по история на БКП». Т. 27. София. 1972.

⁴ Н. Генчев. Национализация на промышленность в България. «Годишник на Софийския университет». Книга II. 1961; П. Петков. Державният и работнически контрол над производството в капиталистическата промышленност у нас (1944—1947). «Известия на Института по история на БКП». Кн. 8. София. 1961; его же. Ликвидиране на капиталистическата собственост в промышленность на България. София. 1966; Б. Иорданов. Особенности на работнически контрол над производството в капиталистическата промышленность в България (1944—1947). «Исторически преглед». 1973, № 1; М. Исусов. Работническа класа в България 1944—1947. София. 1971.

⁵ G. Sonea. Naționalizarea principalelor mijloace de producție în România 11 iunie 1948. București. 1968; J. W. Gołębowski. Nacjonalizacja przemysłu w Polsce. Warszawa. 1965.

⁶ S. Nešović. Privredna politika i ekonomska mere u toku oslobodilačke borbe naroda Jugoslavie. Beograd. 1964; D. Kosačić. Ekonomska djelatnost narodne vlasti u toku NOB-a. Zagreb. 1964; B. Petranović. Političke i pravne prilike za vreme privremene vlade DFJ. Beograd. 1964; M. Vasić. Ekonomska politika Jugoslavie. Beograd. 1967.

⁷ И. П. Олейник. Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя. М. 1959; В. П. Галенко. Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М. 1961; М. А. Усиевич. Развитие социалистической экономики Венгрии. М. 1962; В. Д. Мозеров. Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Восстановительный период (1944—1948). Саранск. 1973.

⁸ В. А. Виноградов. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М. 1965; «Мировая социалистическая система хозяйства». Т. I. М. 1966.

Революционный подъем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы начался в условиях ожесточенной борьбы демократических сил всего мира с коалицией фашистских держав. Антифашистское движение, ставшее важнейшим фактором политического развития рассматриваемого региона, объединило различные политические группировки общества. На первый план революционными силами выдвигались в это время задачи национальные и демократические: разгром фашизма, восстановление национальной и государственной независимости и демократических свобод. Борьба за социальные преобразования отнюдь не снималась рабочим классом и его политическим авангардом с повестки дня, но теперь она выступала в теснейшей связи с антифашистским движением, ее размах и глубина в значительной степени определялись интенсивностью этого движения, она занимала подчиненное место по отношению к общей задаче сокрушения фашизма.

Требование национализации основных средств производства, выдвинутое в период революционного подъема 20-х годов как требование чисто пролетарское, стало в новых условиях наполняться антифашистским, демократическим, патриотическим и социально-прогрессивным содержанием. Его ставил на повестку дня не только рабочий класс как наиболее прогрессивная сила общества; в той мере, в какой оно было направлено против фашизма, его поддерживали и другие социальные слои и их политические представители, стоявшие на антифашистских позициях. Каждая из этих социальных сил вкладывала в требование национализации свое классовое содержание и стремилась добиться его реализации в послевоенный период. Поэтому 1944—1948 гг., когда революционный процесс в Центральной и Юго-Восточной Европе достиг кульминации, стали временем ожесточенной борьбы за характер осуществляемой национализации, за то, чем, по существу, станет государственный сектор народного хозяйства — базой для формирования социалистической экономики или фактором государственно-монополистического регулирования хозяйства в интересах буржуазии.

Антифашистское содержание требования национализации и превращение его в один из главных лозунгов национально-освободительного движения явились результатом реакции широких народных масс стран Центральной и Юго-Восточной Европы на политику оккупации, порабощения и ограбления экономики этих стран германским фашизмом и на позиции господствующих классов в деле отстаивания национальной независимости. С наибольшей силой это проявилось в странах, оккупированных фашистской Германией и Италией. Здесь в сознании политически активного населения, борющегося против оккупации, освобождение связывалось с необходимостью проведения конкретных социальных реформ, направленных против тех сил, которые были виновниками национальной катастрофы.

Крайние формы приняла в годы войны политическая дифференциация общества в Югославии. В основе ее лежало отношение различных политических партий и представляемых ими социальных слоев к национально-освободительной борьбе: на одной стороне — широкие массы рабочих, крестьян, средних городских слоев, боровшиеся против оккупантов, на другой — буржуазия.

Часть ее, ориентировавшаяся на державы «оси» (хорватская буржуазия во главе с А. Павеличем, некоторые круги сербской буржуазии, от имени которых выступал М. Недич, и отдельные группы словенской буржуазии), с самого начала сотрудничала с оккупантами, став опорой их режима в стране. Другая часть, находившаяся под эгидой лондонского эмигрантского правительства, объявившего войну Германии, очень скоро тоже перешла на позиции сотрудничества с оккупантами ради совместной борьбы против национально-освободительного движения. Такая ее эволюция объяснялась прежде всего боязнью перед развертываю-

щимся в стране массовым движением, в котором единственной руководящей силой являлась КПЮ⁹.

В условиях, когда размежевание сил с буржуазией было прежде всего результатом ее национального предательства, антикапиталистические требования приняли форму требований наказания военных преступников и предателей, сотрудничавших с германскими и итальянскими оккупантами. Революционная власть на освобожденных территориях, проводя конфискацию имущества отдельных лиц, фактически осуществляла «экспроприацию экспроприаторов», но делала это не потому, что они принадлежали к классу буржуазии, а потому, что они стали предателями национальных интересов страны. Такие меры были поняты той частью многочисленных в югославском обществе мелкобуржуазных слоев, которые в национально-освободительной борьбе шли за КПЮ как за самым последовательным борцом против чужеземного ига.

Стремясь сплотить вокруг себя наиболее широкие слои югославского общества, расширить массовую базу и укрепить единство национально-освободительного движения, КПЮ и Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) ни в одном из документов 1941—1945 гг. не выдвигали требования об изменении отношений собственности. Более того, в заявлении АВНОЮ и Верховного штаба Народно-освободительной армии указывалось, что целью освободительного движения является «неприкосновенность частной собственности и полная возможность проявления инициативы в торговле, промышленности и хозяйственной деятельности»¹⁰.

Первое крупное вмешательство революционной власти в сферу капиталистической собственности было проведено на основе решения президиума АВНОЮ от 21 ноября 1944 г. о конфискации и передаче в собственность государства имущества врагов, куда включалось как имущество Германии, Италии и их граждан, так и имущество всех лиц, сотрудничавших с оккупантами. На собственность союзных и нейтральных стран был наложен секвестр¹¹. В результате к концу 1945 г. в руках государства было сосредоточено 53% всей промышленности, 19% находилось под государственным управлением на основе введения секвестра и 28% оставалось в частных руках¹². Таким образом, основная часть средств производства перешла в руки нового государства в результате акции национального, демократического характера. Отмечая особенности формирования общественного сектора экономики Югославии, Б. Кидрич, являвшийся в рассматриваемые годы одним из ведущих деятелей КПЮ, писал в 1948 г.: «Первой такой специфической чертой, несомненно, является то обстоятельство, что наша революция развивалась на основе и в рамках национально-освободительной борьбы против фашистских оккупантов и в рамках вооруженной борьбы против национального предательства реакционной буржуазии... В начале формирования социалистической экономики эта специфика и обусловила то, что первое появление социалистического уклада в нашем хозяйстве не было результатом официальной национализации, а было результатом конфискации имущества национальных предателей»¹³.

В Югославии в ходе антифашистской национально-освободительной борьбы, в условиях, когда господствующие классы в подавляющей

⁹ См.: Л. Я. Гибианский. Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии. «Советское славяноведение», 1972, № 6; J. Marjanović. Prilozi istoriji sukoba narodnooslobodilačkog pokreta i četnika Draže Mihajlovića u Srbiji. «Istorija XX veka. I». Beograd. 1959; P. Morača. Društevno-političko kretanje i politika KPJ u ustanku 1941. «Istorijski časopis», 1962, № 1.

¹⁰ «Борба», 15.II.1943.

¹¹ См. S. Lovrenović. Ekonomska politika Jugoslavie. Sarajevo. 1956, str. 98—99.

¹² B. Petranović. Politicka i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslavie za vreme obnove. Beograd. 1969, str. 239—240.

¹³ Цит. по: M. Vasić. Op. cit., str. 34.

массе связали в той или иной степени свою судьбу с оккупационным режимом и в политическом отношении оказались изолированными от широких слоев населения, вторжение революционных сил в сферу капиталистической собственности, фактическая ее национализация были проведены в форме национальной антифашистской, демократической акции, передавшей подавляющую часть средств производства государству. Характер национализации определялся прежде всего тем, что новое, родившееся в огне национально-освободительной борьбы Югославское государство, в собственность которого были переданы средства производства, приобрело уже к весне 1945 г. все основные черты диктатуры пролетариата, и здесь вопрос о власти, по существу, был уже решен.

В Чехословакии и Польше, которые были оккупированы фашистской Германией, национальный момент также оказал решающее влияние на формирование и реализацию социально-экономических программ послевоенного устройства, выдвигаемых антифашистским лагерем. Но здесь в силу сложного и крайне разнородного состава этого лагеря¹⁴ с проектами национализации выступает более широкий круг политических группировок, представляющих интересы не только рабочего класса и примыкающих к нему трудящихся масс города и деревни, но и некоторой части буржуазии. Это обстоятельство в значительной мере и определило то, что в Чехословакии и Польше вопросы послевоенного экономического развития стали сферой сложной и многоплановой борьбы различных политических сил, стремившихся реализовать свое классовое понимание национализации. Если в Югославии господствующие классы, даже те их незначительные группировки, которые не пошли на прямое сотрудничество с оккупантами, не выдвигали сколько-нибудь существенных проектов социально-экономических реформ, ставя в качестве основной задачи восстановление довоенного статус-кво, то в Чехословакии и Польше политические представители буржуазии, сгруппировавшиеся вокруг эмигрантских правительств в Лондоне, осознавали невозможность возврата к довоенному положению.

В польском буржуазном лагере даже наиболее его правые круги вынуждены были ставить вопрос о необходимости социально-экономических реформ и о передаче государству части ключевых отраслей экономики и прежде всего тяжелой промышленности. Такая позиция вызывалась рядом причин. Во-первых, экономическая политика германского фашизма в Польше привела к полному разрушению довоенной структуры экономики и к столь коренным переменам в имущественных отношениях в промышленности, торговле и финансах, что у польской буржуазии не оставалось никаких реальных возможностей для возвращения к прежним рубежам. Во-вторых, лидеры буржуазии понимали, что в условиях послевоенной разрухи, нехватки национальных капиталов будет очень сложно приступить к оживлению и реконструкции экономики без помощи государства, которое должно будет отстаивать интересы буржуазии как класса. Даже не располагая средствами для предоставления кредитов, а лишь взяв под свое управление наиболее разрушенные отрасли, это государство смогло бы переложить основную тяжесть восстановления экономики на плечи трудящихся. В-третьих, буржуазным политикам всех оттенков, претендовавшим на ведущую роль в послевоенной Польше, безусловно, приходилось в своих программах учитывать

¹⁴ В Польше все классы и политические партии заняли отрицательную позицию по отношению к оккупационному режиму, который проводил здесь политику полного порабощения и истребления польского народа. В Чехословакии хотя и имела место открытая политическая коллаборация, но масштабы ее были ограничены. В обеих рассматриваемых странах буржуазный лагерь имел достаточно прочные позиции в антигитлеровском движении.

весьма существенный сдвиг влево в политической ориентации широких слоев населения, который был связан с критикой и переоценкой ими общественно-политической системы, приведшей страну к национальной катастрофе. Поворот влево совершался также под влиянием успехов СССР, политический и общественный строй которого не только выдержал испытания в тяжелой борьбе с фашизмом, но и сделал Советский Союз главной силой в разгроме фашистской Германии, единственной силой, которая реально могла принести освобождение польскому народу. Немалую роль в изменении настроений польского общества сыграла и деятельность коммунистов и созданной ими Польской рабочей партии (ППР).

Проблема привлечения масс, то есть в конечном счете проблема политического лидерства, оказывалась неразрывно связанной с радикальностью решения вопроса о будущих социально-экономических преобразованиях. Эту связь понимали даже самые правые группировки. Не случайно их орган «Głos naroda», отмечая изменения в настроениях народных масс, писал об усилении влияния коммунизма: «И бороться с этой идеей можно только с помощью идеи более сильной. А такой идеей для нас, польского правительства, является программа далеко идущих общественных и экономических реформ, соединенных с патриотизмом... Мы не имеем другого выхода»¹⁵. Именно поэтому в их программах зазвучали призывы к новой экономической модели будущей Польши и появились пункты о необходимости обобществления производства¹⁶. Но все программы политических группировок лондонского лагеря, начиная от правых — таких, как «Стронництво народов», и кончая левыми — «Стронництво людове» и ППС — ВРН¹⁷, несмотря на большие различия предлагаемых реформ, сходились в одном: реформы должны были укрепить капиталистический строй путем развития государственно-монополистических форм капитализма и одновременно поставить под политический контроль буржуазии стремящиеся к социальным преобразованиям массы. Непременным условием намечавшихся реформ должно было стать восстановление независимой Польши под эгидой лондонского буржуазного правительства.

Конкретная обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте после битв под Сталинградом и Курском, опрокинула расчеты буржуазных политиков на то, что освобождение от оккупации будет делом западных держав. К осени 1943 г. совершенно очевидной для всех реальностью стал тот факт, что свободу Польше принесет Красная Армия, успехи которой усиливали позиции левых сил в польском обществе. В этих условиях партии лондонского лагеря, стремившиеся к сохранению буржуазного строя, видели свою основную задачу в борьбе против СССР. Их антисоветский, антикоммунистический курс, приведший в апреле 1943 г. к разрыву Советским правительством отношений с польским эмигрантским правительством, пришел в полное противоречие с интересами польской нации, усилив в ней процесс дифференциации.

Буржуазный лагерь во главе с лондонским правительством весьма быстро эволюционировал вправо. Развернув националистическую, антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, буржуазные партии стали постепенно отказываться от своих прежних требований. Даже ППС — ВРН в марте 1944 г. вынуждена была при подписании деклара-

¹⁵ Цит. по: J. W. Gołębiowski. *Nacjonalizacja przemysłu w Polsce*, s. 28.

¹⁶ Анализ программ буржуазного лагеря по вопросам национализации дан в работе: J. W. Gołębiowski. *Walka PPR o nacjonalizację przemysłu*, s. 28—51.

¹⁷ «Стронництво народов» — партия крупной буржуазии и помещиков; «Стронництво людове» — крестьянская партия, весьма разнородная по своему социальному составу; ППС — ВРН — правосоциалистическая партия, антисоветская и антикоммунистическая, крайне враждебно относившаяся к революционному движению.

ции Рады едности народовой¹⁸ снять требование национализации, поскольку его не поддерживал ни один из буржуазных партнеров. Вместо требования национализации в этом документе осталось лишь расплывчатое положение о необходимости передать в общественную собственность как можно большее число предприятий. К середине 1944 г. понятие «обобществление» вообще исчезает из лексикона лондонского лагеря¹⁹.

В условиях складывавшейся революционной ситуации ППР осенью 1943 г. провозгласила курс на создание Национального демократического фронта, с тем чтобы противопоставить лондонскому лагерю, занявшему антинациональные позиции, другую политическую силу. Для революционно-демократического лагеря, принявшего концепцию национально-освободительной борьбы, предложенную ППР и основанную на сочетании борьбы за национальное освобождение с борьбой социальной, важной задачей было сплотить вокруг Крайовой Рады Народовой — органа Национального фронта — наиболее широкие слои трудящихся масс. Поэтому программе социально-экономических преобразований необходимо было придать такую форму (не отказываясь от ее антикапиталистической направленности), которая делала бы ее приемлемой для всех групп населения, активно боровшихся с оккупантами. Нужно было сделать действенным оружием в борьбе за социальные преобразования патриотизм масс, на котором спекулировали лондонские политики. Понимая значение национального момента в развертывавшейся борьбе, ППР при разработке экономических аспектов программы, сформулированной в Манифесте Польского комитета национального освобождения (ПКНО), именно на этом и делала акцент. Здесь говорилось, что «национальное имущество, сконцентрированное в руках немецкого государства или отдельных немецких граждан», должно быть передано во временное управление государства, с тем чтобы предотвратить его расширение спекулянтами и создать основу для восстановления и развития народного хозяйства²⁰. В Манифесте специально подчеркивалось, что мелкие и средние предприятия, конфискованные оккупантами, будут переданы прежним владельцам. Таким образом, изъятие средств производства у германских капиталистов выступало здесь как патриотическая, антифашистская акция. Передача фабрик, шахт, заводов в руки народной власти была той необходимой мерой, которая вызывалась состоянием экономики, разрушенной в годы войны и в период оккупации. Такая постановка вопроса позволяла ППР повести народные массы под антифашистскими, патриотическими лозунгами к решению коренных социальных проблем²¹.

В движении за овладение предприятиями и их восстановление в момент освобождения страны принимали активное участие и рабочий класс во главе с коммунистами, стремившийся положить конец господству буржуазных производственных отношений, и те демократические слои общества, которые выступали против немецкого фашизма, за ликвидацию засилья крупного капитала, и даже некоторые либерально-буржуазные элементы, которые хотели лишь воспрепятствовать уничтожению фашистами фабрик и заводов, надеясь, что впоследствии

¹⁸ Рада едности народовой — орган объединившихся вокруг лондонского правительства партий, созданный в оккупированной стране как противовес Крайовой Раде Народовой.

¹⁹ J. W. Gołębowski. Walka PPR o nacjonalizację przemysłu, s. 44—45.

²⁰ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa. 1958, s. 507.

²¹ Польская исследовательница К. Керстен, оценивая значение Манифеста ПКНО, пишет, что в той конкретной ситуации положение об установлении временного управления государства над ключевыми отраслями промышленности означало передачу в распоряжение государства не только крупной, но и средней промышленности. См. K. Kersten. Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego. Lublin. 1965, s. 131.

эти предприятия будут переданы в частные руки²². Главным в этом движении было участие рабочего класса. Именно его активность и привела к тому, что подавляющая часть промышленных предприятий сразу же, еще в ходе освобождения страны, оказалась в руках рабочих. Фабрично-заводские комитеты, которые ППР в условиях подполья готовила к занятию заводов, шахт, фабрик, практически брали на себя функции управления производством в период становления государственных органов народной власти²³. Этот процесс во многом предreshал исход борьбы рабочего класса за овладение основными средствами производства и создавал такое положение, при котором буржуазия в момент освобождения оказалась лишенной средств производства и должна была бороться не за сохранение, а за возвращение уже занятых трудящимися предприятий, в условиях, когда ее политические представители оказались вне органов новой государственной власти, установление которой «означало принятие нацией и правительством в качестве руководящей силы в государстве рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством и интеллигенцией во имя прогресса и общественной справедливости»²⁴.

Таким образом, фактическая национализация основных средств производства была осуществлена в Польше в момент освобождения снизу, явочным путем, когда главным противником рабочего класса и трудящихся масс выступал разгромленный Советским Союзом германский рейх и германские монополии, захватившие в период оккупации все основные отрасли народного хозяйства.

Наиболее острое столкновение революционных сил с национальной буржуазией происходило на этапе юридического закрепления достигнутых результатов. Польские буржуазные круги попытались навязать народной власти свою концепцию национализации, используя позиции, полученные в Правительстве Национального Единства и Президиуме Крайовой Рады Народовой летом 1945 года. Рупором их стала партия «Польске стронництво людове» (ПСЛ)²⁵ во главе с С. Миколайчиком. Не возражая против передачи государству некоторых экономических функций, Миколайчик и его сторонники брали под сомнение эффективность национализации, выдвигая положение о том, что передача основных отраслей промышленности государству приведет к снижению жизненного уровня населения. ПСЛ и ее представители в Крайовой Раде Народовой, выдвинув проект изменения нижней границы национализируемых предприятий²⁶, стремились изъять из-под действия закона всю среднюю промышленность и, используя закон о национализации, вытеснить из экономики иностранный монополистический капитал, укрепить позиции национальной буржуазии в народном хозяйстве страны, подменить завоевания рабочего класса одним из многочисленных видов буржуазной национализации.

Попытки реприватизации фабрик и заводов, предпринимавшиеся представителями буржуазных кругов, встретили мощное сопротивление

²² Подробнее об этом см.: J. W. Gołbiewski. *Udział klasy robotniczej w zabezpieczeniu i uruchomieniu przemysłu w okresie wyzwolenia ziem polskich spod okupacji hitlerowskiej*. «Z pola walki», 1959, № 2.

²³ До мая 1945 г. движение фабрично-заводских комитетов было доминирующим фактором и непременным условием сохранения промышленных предприятий на территории страны. См. «Upaństwowienie i odbudowa przemysłu w Polsce 1944—1948». Warszawa, 1967.

²⁴ «Trzydziestolecie Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej». Tezy Komitetu Centralnego PZPR. «Nowe drogi», 1974, № 3, str. 21.

²⁵ «Польске стронництво людове» — партия, созданная Миколайчиком в августе 1945 г., объединяла в своих рядах правые группировки крестьянского движения.

²⁶ ППР и ее союзники по Крайовой Раде Народовой предлагали национализировать все предприятия, где занято больше 50 человек в смену. ПСЛ считало, что национализации должны подлежать предприятия, где занято не 50, а 100 человек в одну смену. На практике это означало резкое сужение рамок национализации.

рабочего класса и закончились полной неудачей. Это наглядно показало неспособность польской буржуазии в сложившейся ситуации добиться восстановления частной капиталистической собственности на средства производства. Принятый 3 января 1946 г. закон о переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства, который предусматривал национализацию всех предприятий в 17 ключевых отраслях промышленности, положил конец надеждам буржуазных кругов Польши на осуществление своей концепции национализации и оформил становление социалистического сектора в промышленности Польши. Таким образом, в Польше в 1944—1945 гг. под антифашистскими, патриотическими, общенациональными лозунгами, выдвигаемыми рабочим классом и поддерживаемыми большинством нации, были проведены антикапиталистические, социалистические по своему характеру преобразования в сфере производства.

В Чехословакии, где оккупация, как и в Польше, привела к глубокому вторжению немецкого фашизма в экономику страны и захвату в ней всех ведущих позиций германскими монополиями, борьба за национализацию также приняла антифашистскую, демократическую окраску. Однако здесь она носила несколько иной характер, нежели в Югославии и Польше. Это объяснялось прежде всего существенными отличиями в расстановке политических сил. Если в двух вышеназванных странах главные политические группировки буржуазии по разным причинам к моменту освобождения страны оказались вне национальных антифашистских фронтов, сложившихся под руководством коммунистических и рабочих партий и принявших концепцию антифашистской борьбы, предложенную этими партиями, то в Чехословакии в Национальном фронте чехов и словаков объединялись весьма широкие по своему классовому составу силы, начиная от коммунистов и социал-демократов — политических представителей рабочего класса и кончая национально-социалистической, народной и словацкой демократической партиями, представлявшими интересы различных группировок чешской и словацкой буржуазии, стоявших на антифашистских позициях.

В силу этого программа правительства Национального фронта чехов и словаков, ее экономические разделы, касавшиеся реформ в области промышленности, была своеобразным компромиссом основных политических группировок чехословацкого общества — буржуазии и рабочего класса. Каждая сторона имела свои цели и предполагала в будущем добиться реализации своей концепции, своего классового понимания национализации²⁷. В программе содержалось требование конфискации имущества оккупантов и предателей народа, установления национального управления конфискованным имуществом, а также подчеркивалась необходимость «поставить всю финансовую систему, ключевые промышленные предприятия, природные ресурсы и энергетические источники под руководство государства»²⁸.

Такая постановка вопроса объяснялась рядом причин. Коммунисты и прежде всего руководство КПЧ, возглавляемое К. Готвальдом, исходя из того, что на повестке дня стоит «не социалистическая революция и диктатура пролетариата, а национально-освободительная демократическая революция, блок рабочего класса, крестьянства, городских средних слоев интеллигенции»²⁹, стремились акцентировать внимание на общенациональных моментах. Они не выдвигали на первый план социальные

²⁷ Подробную характеристику различных программ см.: Г. П. Мурашко. Идеологическое наследие Октября и некоторые вопросы национализации основных средств производства в Чехословакии. «Советское славяноведение», 1974, № 6.

²⁸ «Program prvé vlády Republiky, vlády Národní Fronty Čechů a Slováků». Košice. 1945, стр. 24.

²⁹ М. Климеš а kol. Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha. 1965, стр. 106.

аспекты своей программы, с тем чтобы добиться объединения всех сил для решения главной задачи — разгрома фашизма и освобождения страны. Вместе с тем при обсуждении проекта программы первого правительства Национального фронта чехов и словаков коммунисты не стремились к четкому определению границ и рамок национализации, чего от них весьма настойчиво добивались буржуазные партнеры по Национальному фронту³⁰. Такая тактика коммунистов свидетельствовала о желании сохранить за собой в будущем свободу действий по данному вопросу. Выдвигая на этом этапе требование конфискации имущества оккупантов и коллаборационистов, коммунисты полагали, что сам по себе этот процесс будет таким революционным актом, который, не выходя из национальных и демократических рамок, приведет к существенному ослаблению экономических позиций имущих классов.

Буржуазные политики, сгруппировавшиеся в эмиграции вокруг Э. Бенеша, учитывая настроения масс внутри страны и возрастающее влияние Советского Союза в мировой политике³¹, осознавали невозможность реставрации довоенных отношений. Говоря о необходимости «социальных перемен» и разрабатывая проекты введения «плановой экономики», буржуазные партнеры КПЧ по Национальному фронту имели единое мнение в этих вопросах с польскими лондонскими политиками. С одной стороны, они понимали, что в условиях послевоенной разрухи и ослабления экономических позиций чешской буржуазии восстановление экономики будет невозможно без активного вмешательства государства в вопросы хозяйственной жизни, а с другой — и это особенно важно — они рассматривали будущие социальные реформы как уступки, необходимые для того, чтобы удержать «революцию в разумных рамках» и направить революционную борьбу трудящихся против германского капитала и тех кругов монополистической национальной буржуазии, которые сотрудничали с оккупантами.

После освобождения страны борьба за характер и содержание национализации между рабочим классом, с одной стороны, и буржуазией — с другой, стала одной из важнейших линий развития революционного процесса. Размежевание сил началось сразу же, как только закончилось изъятие промышленных предприятий из рук оккупантов и коллаборационистов. Если в Югославии и Польше под национальными антифашистскими лозунгами практически были изъяты из рук буржуазии и переданы новому государству все основные средства производства, то в Чехословакии национальные лозунги давали возможность овладеть лишь частью средств производства, той, которая находилась в руках германского капитала и коллаборационистов. Национальная чешская и словацкая буржуазия, выступающая под антифашистскими лозунгами, сохранила в экономике страны значительные позиции. Однако захват рабочими предприятий, брошенных немецкими капиталистами и их чехословацкими приспешниками, как и предвидели коммунисты, стал началом открытой классовой борьбы, направленной на ограничение сферы деятельности буржуазии в экономике страны.

Уже летом 1945 г. рабочий класс имел достаточно прочные позиции в управлении производством. На местах — на фабриках и заводах — контроль осуществляли заводские комитеты. В национальных управле-

³⁰ См. выступление Я. Странского на заседании правительства. «Zápis 53 (mimořádně) schůze vlády konané 13 září 1945», str. 9.

³¹ Э. Бенеш к концу 1943 г. считал абсолютно необходимым союз с СССР (в этом отношении позиция чехословацкого буржуазного антифашистского лагеря коренным образом отличалась от позиции польского эмигрантского правительства и примыкавших к нему политических группировок). В беседе с де Голлем Бенеш говорил: «Посмотрите на карту. Русские приближаются к Карпатам, а Запад еще не готов к высадке десанта во Франции. Красная Армия будет той силой, которая освободит мою родину от немцев...». См. Ch. De Gaulle. Mémoires de guerre. P. 1956, p. 249.

ниях бывших немецких предприятий решающее слово принадлежало революционным профсоюзам. Представители Центрального совета профсоюзов были введены в правления банков, финансовых учреждений и Союза чешской промышленности, где они занимали решающие позиции. Над средствами производства начал устанавливаться контроль демократических организаций.

Но в условиях, когда буржуазия все же сохраняла еще довольно значительные позиции в экономике, а ее политические представители располагали видными постами в системе государственной власти, борьба за классовое содержание национализации приобрела весьма сложный и длительный характер. Под напором рабочего класса, установившего снизу, через заводские комитеты, свой контроль над производством и активно использовавшего завоеванные позиции в правительстве и Национальном фронте, буржуазия вынуждена была пойти на весьма значительные уступки. Декрет о национализации 27 отраслей промышленности, банков и страховых компаний, подписанный президентом республики Э. Бенешем в октябре 1945 г., расширил границы государственного сектора далеко за рамки, предусмотренные Кошицкой программой. Его реализация резко сократила сферу экономической деятельности буржуазии, лишила ее главной опоры — финансового капитала. Решающие позиции в экономике страны стали принадлежать государственному сектору³².

Однако сами по себе большие масштабы этого сектора еще не делали его социалистическим. По своему содержанию он представлял собой весьма своеобразный промежуточный переходный вариант между государственным сектором Югославии, который сразу стал формироваться как сектор социалистический, поскольку экспроприацию буржуазии под национальными, демократическими лозунгами проводило государство диктатуры пролетариата, и государственным сектором, возникшим после второй мировой войны в Австрии, где имущество германских монополий, конфискованное тоже под национальными лозунгами, перешло в собственность чисто буржуазного государства³³. В Чехословакии эволюция государственного сектора к социализму зависела прежде всего от того, сумеет ли рабочий класс вытеснить буржуазию из органов государственной власти и сосредоточить ее полностью в своих руках, или буржуазия, укрепив свои позиции, приступит к реализации собственной концепции национализации, чтобы превратить государственный сектор в средство укрепления основ капитализма в экономике страны.

В борьбе за власть между буржуазией и рабочим классом на протяжении 1946—1947 гг. вопрос о размерах и статусе государственного сектора народного хозяйства был одним из основных. В этой борьбе буржуазные партии Национального фронта рассматривали принятие декрета о национализации как завершающий этап социально-экономических преобразований и сосредоточивали свои усилия на том, чтобы не допустить дальнейшего расширения государственного сектора³⁴. Одновременно де-

³² После реализации декрета о национализации в 1946 г. в руках государства оказалась вся кредитно-финансовая система, страхование, все горнорудные предприятия, почти все шахты, 74,5% химического производства, 71,8% металлургического, 63,5% керамического и т. д. Всего в государственном секторе было сосредоточено 17% предприятий. В нем работал 61% всех занятых в производстве. См. L. Frejka. Historie boju o snárodnéni československého průmyslu. Praha. 1950, str. 27—28.

³³ В Австрии в результате проведенной в 1945—1947 гг. национализации 80% акционерного капитала в стране оказалось в руках государства, а это означало, что к нему перешли все крупные предприятия страны. См. W. Sadzikowski, J. Sikorski, A. Wiczorkiewicz. Sektor państwowy w kapitalizmie. Warszawa. 1971, s. 176—177.

³⁴ При обсуждении программы, представленной правительством К. Готвальда в июле 1946 г., представители национальных социалистов добивались гарантий того, что национализации не будут подлежать те предприятия, размеры которых в будущем

лались попытки превратить предприятия государственного сектора в составную часть капиталистической системы хозяйства и подготовить условия для их реприватизации в будущем. Так, буржуазные партии стремились добиться для национализируемых предприятий статуса «юридически самостоятельных лиц», а это вело к тому, что в дальнейшем эти предприятия могли функционировать как капиталистические, находящиеся в собственности государства. С предложениями о придании национализированным предприятиям статуса акционерных обществ отдельные представители национально-социалистической партии стали выступать уже весной 1947 года³⁵.

Этой буржуазной концепции чехословацкие коммунисты противопоставили разработанный ими двухлетний план экономического развития страны, предусматривавший подчинение государственному руководству и планированию не только государственного, но и частного сектора, а затем, к концу 1947 г., программу дальнейшего углубления социально-экономических преобразований и передачи государству всех промышленных предприятий, на которых насчитывалось более 50 рабочих³⁶. Вокруг этой программы компартия сумела объединить не только рабочий класс, но и подавляющую часть средних городских слоев³⁷, осознавших, что только реализация программы, предлагаемой коммунистами, позволит успешно осуществить послевоенную реконструкцию промышленного производства и преодолеть серьезные экономические трудности, возникающие в условиях смешанной экономики и нарастающей политической напряженности, вызываемой правыми силами Национального фронта, добивавшимися вытеснения рабочего класса из органов государственной власти.

Успех компартии стал очевидным, когда политические представители буржуазии в правительстве, стремясь не допустить реализации предложенных компартией мероприятий по дальнейшему расширению государственного сектора, решили вызвать в стране правительственный кризис³⁸. Поражение реакции в февральские дни 1948 г. означало конец всех попыток буржуазии реализовать свою концепцию национализации и окончательно решило вопрос о формировании государственного сектора как сектора социалистического.

В Венгрии, Румынии и Болгарии борьба рабочего класса за овладение средствами производства существенно отличалась по формам, темпам и методам от аналогичных процессов в рассмотренной выше группе стран. Это объяснялось рядом факторов. Во-первых, в этих странах,

превысят рамки, установленные декретом 1945 года. Под давлением правых сил в программу правительства было внесено положение, что правительство считает «дело национализации промышленности законченным». См. M. Bouček, M. Klimeš. *Národní fronta Čechů a Slováků v letech 1946—1948*. «Historický sborník 20». Praha, 1973, str. 218. «Строительная программа правительства Готвальда». Прага, 1946, стр. 29.

³⁵ См. «Svobodně slovo», 15.III.1947. Впоследствии пример Австрии весьма наглядно продемонстрировал, как таким путем буржуазия может использовать государственный сектор для укрепления своих позиций в экономике страны. См. W. Sadzikowski, J. Sikorski, A. Wiczorkiewicz. *Op. cit.*, str. 173—210.

³⁶ См. Z. Snitil. *O dvouletce a jejím místě v politice KSČ v roce 1946*. «Příspevky k dějinám KSČ», 1966, № 5; M. Bouček, M. Klimeš. *Dramatické dny února 1948*. Praha, 1973, str. 52.

³⁷ Z. Deyl. *Řešení vztáhu dělnické třídy a městské maloburžoazie 1945—1948*. Kandidační práce. Praha, 1963.

³⁸ В уже упоминавшейся монографии М. Боучека и М. Климеша «Драматические дни февраля 1948 г.» приводится решение совещания министров трех буржуазных партий: национально-социалистической, словацкой демократической и народной, состоявшегося 17 февраля 1948 г., в котором говорится буквально следующее: «...признали, что необходимо вызвать кризис на почве спора по вопросу о полиции и избежать того, чтобы коммунисты сами вызвали кризис на основе дебатов о новых социально-экономических требованиях, которые они должны будут провозгласить на своих революционных съездах. Это приводит к необходимости подать в отставку перед съездом заводских советов, назначенным на 22 февраля». См. M. Bouček, M. Klimeš. *Dramatické dny února 1948*, str. 88.

участвовавших во второй мировой войне в качестве союзников гитлеровской Германии, не произошло столь значительного сужения сферы собственности национальной буржуазии, как это было в оккупированных странах. Германский капитал осуществлял свой контроль путем заключения межправительственных экономических соглашений и «мирного» проникновения в крупнейшие предприятия с помощью приобретения контрольных пакетов акций³⁹. Поэтому здесь к концу войны экономические позиции буржуазии не были ослаблены в такой мере, как в Польше и Чехословакии. Во-вторых, особенно в Венгрии и Румынии, не произошло к концу войны политической изоляции буржуазии от широких трудящихся масс. Поражение в войне компрометировало в глазах широких масс крестьянства и мелкобуржуазных слоев города не столько буржуазию в целом, сколько монархо-фашистскую верхушку и те наиболее реакционные буржуазные группировки, которые открыто сотрудничали с последней. Поэтому не случайно в отличие от Польши и Чехословакии, где борьба за ликвидацию капиталистической собственности, носившая вначале форму общенациональной демократической акции, получила сразу поддержку со стороны средних городских слоев населения, в Венгрии и Румынии на начальном этапе развития революции, в 1944—1945 гг., ликвидации капиталистической собственности добивался только рабочий класс. Перелома в настроении мелкобуржуазных слоев города, который бы содействовал переходу этой части общества на сторону революционных сил, к этому времени еще не произошло. В таких условиях прямое выдвижение требования ликвидации капиталистической собственности могло создать реальную угрозу превращения мелкой городской буржуазии в резерв реакционных сил.

Третий фактор, оказавший влияние на процесс национализации в Венгрии и Румынии и определивший его место в развитии революции,— это нерешенность аграрного вопроса и необходимость ликвидации помещичьего землевладения. Для завершения задач буржуазно-демократической революции и привлечения крестьянства на сторону рабочего класса предстояло объединить все демократические силы и не допустить создания общего фронта буржуазии и помещиков против разворачивающейся революции. Несмотря на то, что в программу Венгерского Национального фронта независимости (ноябрь 1944 г.)⁴⁰ и проект платформы Национально-демократического фронта Румынии⁴¹ (сентябрь 1944 г.) были включены требования вмешательства демократического государства в сферу частнокапиталистической собственности, реальная политическая обстановка создала необходимость перехода от планов прямой атаки на капитал к планам постепенного вытеснения буржуазии из сферы производства по мере укрепления позиций рабочего класса в государстве и обществе⁴².

³⁹ См. Т. Савин. Иностраный капитал в Румынии. М. 1950, стр. 144—197; Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М. 1964, стр. 42—44; Л. Н. Нежинский, А. И. Пушкаш. Борьба венгерского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М. 1961, стр. 23.

⁴⁰ В этой программе выдвигались требования ликвидации монополий, установления контроля над картелями и крупными банками, национализации горнодобывающей промышленности, электростанций и страхования. См. Б. Сабо. Программа действий Венгерской коммунистической партии осенью 1944 г. «Двадцать пять лет свободной Венгрии», стр. 166.

⁴¹ Этот документ предусматривал национализацию 18 крупнейших банков и основных промышленных предприятий, введение государственного контроля над картелями. См. V. Liveanu. Op. cit., p. 186.

⁴² Этот переход особенно отчетливо выступает в Румынии, где в январе 1945 г. в «Правительственной программе», опубликованной от имени Национально-демократического фронта, требование национализации было снято, а выдвижение его в сентябре 1944 г. было признано ошибкой. (См. V. Liveanu. Op. cit.; П. Никита. Указ. соч.) В Венгрии I легальная конференция коммунистической партии, состоявшаяся в мае 1945 г., главное внимание в экономической политике, направленной на восстанов-

Процесс завоевания рабочим классом основных позиций в сфере производства в Венгрии и Румынии шел вначале не по линии непосредственного изъятия средств производства у буржуазии (как это было в Югославии, Польше и в значительной мере в Чехословакии), а по линии установления рабочего контроля и контроля демократического государства над финансово-кредитной системой и основными отраслями промышленности, чему должно было способствовать и усиление принципов планового развития народного хозяйства. Предложенные коммунистами Венгрии и Румынии планы послевоенного восстановления экономики ставили в центр внимания решение общенациональных задач. Эти задачи не предусматривали прямого наступления на принципы частной собственности, что позволяло сплотить вокруг их выполнения широкие демократические силы. Вместе с тем эта тактика давала возможность изымать из рук частного капитала отдельные, наиболее важные звенья экономики (о чем весьма красноречиво свидетельствовал пример Венгрии, где шаг за шагом в государственную собственность за годы протязания 1946—1947 гг. перешли шахты, наиболее крупные металлургические заводы и национальный банк страны)⁴³, а также постепенно создать систему управления частнокапиталистическим хозяйством, находившуюся в руках демократического государства, как это было в Румынии⁴⁴.

В этих условиях буржуазные партии либо выступали (как правое крыло Партии мелких сельских хозяев в Венгрии⁴⁵ или «исторические» партии в Румынии) против самого принципа планирования под лозунгом «свободно развивающейся экономики», либо, признавая на словах необходимость реформ, пытались взять в свои руки ведущие рычаги управления экономикой, чтобы не допустить осуществления этих реформ⁴⁶. Такая политика буржуазных кругов, входивших в национальный антифашистский фронт, но вставших на путь саботажа мер по подъему и развитию производства, предлагаемых революционными силами, вела к постепенной изоляции этих кругов.

Процесс вытеснения буржуазии из сферы производства в Венгрии и Румынии имел ряд общих черт. Он начался в той и другой стране в условиях, когда рабочий класс и его союзники, завоевав определенные политические позиции, не располагали еще подавляющим большинством в правительстве в отличие, например, от Югославии и Польши. Наличие сильной буржуазной оппозиции, сохранявшей значительное влияние в обществе, диктовало необходимость разработки и реализации таких мер, которые, не являясь еще по своей сути социалистическими, вели бы к ограничению деятельности частного капитала в экономике страны. Юридическое оформление процесс обобществления производства получил после того, как вопрос о власти решился окончательно в пользу революционных сил.

В некоторых аспектах обобществление средств производства в Болгарии имело некоторые общие черты с Венгрией и Румынией. Здесь,

ление производства, акцентировала на необходимости конфискации имущества и предприятий членов партии «Скрещенные стрелы» и национализации горнорудной промышленности, подчеркнув при этом, что следует одновременно поддерживать усилия тех предпринимателей и экономических кругов, которые хотят принять участие в восстановлении страны. См. «Szabad nép», 24.V.1945.

⁴³ См. М. А. У с и е в и ч. Указ. соч., стр. 56—57.

⁴⁴ См. И. П. О л е й н и к. Указ. соч., стр. 21—57.

⁴⁵ A. S á g v á r i. Op. cit., p. 95.

⁴⁶ В Румынии, например, так называемая группа Татареску (национально-либеральная партия), выступившая в поддержку программы Национально-демократического фронта, получив в свое распоряжение министерство финансов и министерство промышленности и торговли, упорно противодействовала всем попыткам демократических сил расширить контрольные функции государства, вести решительную борьбу с саботажем и спекуляцией. См. «România în anii revoluției democrat populare». București. 1971, p. 126.

так же как в этих двух странах, долгое время рабочий контроль, осуществляемый профсоюзными организациями на местах, и контроль со стороны революционного государства были основными средствами ограничения частной капиталистической собственности⁴⁷. Как и в Венгрии, в Болгарии происходила постепенная, поэтапная национализация отдельных отраслей экономики. Тем не менее Болгария с точки зрения исследуемых процессов занимает несколько особое место. Это объясняется не только тем, что здесь процесс радикализации общества развивался в годы войны значительно интенсивнее, чем в Венгрии и Румынии, и командные позиции с 9 сентября 1944 г. находились у рабочего класса, но и тем, что антикапиталистические требования выступали здесь в совершенно иной форме — борьбы за ликвидацию спекулятивно-паразитического капитала. Исторически национальная буржуазия сложилась в Болгарии в условиях интенсивного проникновения иностранного капитала, она была неспособна конкурировать с ним даже на внутреннем рынке и постепенно превратилась в его посредника в деле эксплуатации народного хозяйства страны. Наиболее влиятельные группировки болгарской буржуазии были связаны со скупкой и переработкой сельскохозяйственной продукции. Именно они и выступали в роли главного эксплуататора болгарской деревни. Это обстоятельство давно стало источником широких антикапиталистических настроений среди крестьян и создавало базу для политического сотрудничества между коммунистами и Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС)⁴⁸.

Меры, предлагавшиеся второй программой Отечественного фронта⁴⁹ (введение табачной и зерновой государственной монополии, ликвидация экономически и социально вредного посредничества и паразитической индустрии, конфискация имущества, нажитого путем спекуляции в годы войны), способствовали превращению болгарской деревни в активный фактор развития революционного процесса в стране. Болгарская рабочая партия коммунистов (БРП(к)) в полной мере учитывала это обстоятельство и, взяв курс на постепенное вытеснение буржуазии из экономики страны, направляла главное острие борьбы в 1944—1946 гг. против тех ее групп, которые выступали основными эксплуататорами деревни. Курс на ликвидацию спекулятивно-паразитического капитала, взятый правительством Отечественного фронта, опирался на богатый опыт сотрудничества БРП(к) и БЗНС, особенно его левых сил еще в межвоенный период. Ликвидация спекулятивно-паразитического капитала выступала как общедемократическая мера, направленная на решение главного противоречия между крестьянством и его основным эксплуататором. А поскольку ведущими отраслями болгарской промышленности были табачная и пищевая⁵⁰, то эта мера давала возможность значительно ослабить и позиции национального капитала⁵¹.

Другой особенностью борьбы за ликвидацию частнокапиталистической собственности в Болгарии было то, что главной силой, оспаривавшей у коммунистов влияние на массы и отстаивавшей сохранение капиталистического строя, стали не традиционные партии болгарской бур-

⁴⁷ См. Н. Петков. Държавният и работнически контрол над производството в капиталистическата промишленост у нас (1944—1947); М. Исусов. Указ. соч., стр. 233—247.

⁴⁸ См. Д. Тишев. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София. 1967; В. Д. Мозеров. Указ. соч.

⁴⁹ См. «Окръжни на Националния комитет на ОФ, програма на правителството, декларацията на 4-те ОФ партии и др.». София. 1945, стр. 45—46.

⁵⁰ Тяжелая индустрия еще только начинала развиваться. В 1939 г. на долю отраслей, производящих средства производства, приходилось 22,6%, на долю отраслей, производящих предметы потребления, — 77,4%. Л. Б. Валева. Указ. соч., стр. 37.

⁵¹ Позиции иностранного, прежде всего германского, капитала были практически ликвидированы декретом о конфискации имущества, принадлежавшего германскому рынку и его гражданам.

жуазии, а правое крыло БЗНС, отражавшее интересы зажиточных слоев деревни. Эта группировка во главе с Н. Петковым также была заинтересована в ослаблении позиций спекулятивного капитала. Но ее целью была передача функций посредника между государством и производителями предпринимателям капиталистического типа из среды зажиточного крестьянства. Поэтому, например, выдвинутому БРП(к) и левыми силами БЗНС требованию установления государственной табачной монополии Н. Петков противопоставлял лозунг введения кооперативной монополии на табак, предполагая объединить в кооперации наиболее зажиточную часть деревни.

Дальнейший ход событий оправдал тактику БРП(к). По мере разгвещения борьбы за реализацию экономической программы Отечественного фронта, когда антикапиталистические ее аспекты стали выступать все более и более отчетливо и получали при этом поддержку трудящихся масс, правые силы БЗНС во главе с Н. Петковым пошли на сотрудничество и открыто солидаризировались с представителями болгарской буржуазии, выступавшей против сил Отечественного фронта. Принятый в апреле 1946 г. закон о конфискации имущества, нажитого путем спекуляции, был первым успехом антикапиталистических сил. В 1947 г. последовало введение государственной табачной и спиртовой монополии, что означало фактическую национализацию ведущих отраслей болгарской промышленности, с которыми были связаны наиболее сильные группировки болгарской буржуазии.

Таким образом, основные позиции национальной буржуазии в экономике Болгарии были сломлены в ходе борьбы за программу преобразований, отвечавшую интересам не только рабочего класса Болгарии, но и широких слоев крестьянства. После этого принятие закона о национализации стало лишь вопросом времени.

Итак, в ходе развития революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в результате сложной борьбы многих политических сил была реализована концепция национализации основных средств производства, разработанная и предложенная коммунистическими и рабочими партиями. Радикальное вмешательство революционных сил в право капиталистической частной собственности стало осуществляться на практике еще до окончательного перехода политической власти в руки рабочего класса. Условия для этого были подготовлены в значительной мере разгромом фашизма во второй мировой войне силами антигитлеровской коалиции, в которой ведущая роль принадлежала Советскому Союзу, политической изоляцией наиболее реакционных финансово-монополистических кругов «национальной» буржуазии, сотрудничавшей с фашизмом, и поворотом демократических сил общества (крестьянства и средних городских слоев) к союзу с рабочим классом и его политическим авангардом — наиболее последовательной силе в борьбе за восстановление национальной и государственной независимости и послевоенное экономическое обновление.

Формы и методы вытеснения буржуазии из сферы производства были различны: от прямой «экспроприации экспроприаторов» путем конфискации основной массы средств производства, осуществленной под национальными антифашистскими лозунгами, до ограничения деятельности буржуазии путем установления разнообразных мер контроля со стороны рабочего класса и революционной власти с постепенным переходом к обобществлению.

Интенсивность и темпы овладения рабочим классом основными средствами производства определялись тем, насколько быстро коммунистическим и рабочим партиям удавалось объединить вокруг своей концепции послевоенного национального и социального развития большинство нации и добиться политической изоляции буржуазии.